

На правах рукописи

Демидова Татьяна Дмитриевна

**ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ИДИОЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В.П. ДЕТКОВА)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Курск – 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Курский государственный университет»

Научный руководитель: **Бобунова Мария Александровна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Курский государственный
университет», профессор кафедры русского
языка

Официальные оппоненты: **Алешина Людмила Васильевна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный
университет», заведующий кафедрой
книжного дела, русского языка и методики
его преподавания

Кризская Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук,
Курский институт социального образования
(филиал) ФГБОУ ВПО «Российский
государственный социальный университет»,
доцент кафедры журналистики и филологии

Ведущая организация: **ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»**

Защита состоится 21 марта 2013 г. в 10 часов на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского государственного университета.

Автореферат разослан «13» февраля 2013 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.О. Косицына

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В XXI веке в связи с усилением глобализации все большее значение приобретает регионалистика. Эта междисциплинарная наука, изучающая объективные процессы географической, экономической, политической и культурной регионализации, отражает синтез подходов различных наук к региональным исследованиям (Л.В. Баева, Д.Л. Лопатников, Р.Ф. Туровский и др.). Не осталась в стороне и филология. Проявившиеся в конце XX столетия процессы сглаживания национальной сущности искусства обусловили актуальность филологической регионалистики, назначение которой в системном исследовании и описании корней и генезиса литературно-художественных региональных явлений, духовной жизни социума и человека с использованием филологического инструментария (Н.Н. Примочкина).

Идея филологической регионалистики находит отражение в разных формах, например: научно-исследовательская лаборатория «Филологическая регионалистика “Курское слово”» в Курском государственном университете, одним из направлений которой является лингвистическое изучение литературного наследия писателей родного края (А.А. Фета, Н.Н. Асеева, П.И. Карпова, А.П. Гайдара, В.В. Овечкина, Е.И. Носова, К.Д. Воробьева, В.П. Деткова и др.).

Владимир Павлович Детков (1937–2009) около двадцати лет возглавлял Курское отделение Союза писателей России. В 2007 г. его книга «Зёрна истины» стала лауреатом литературной премии Центрального Федерального округа. Исследователи отмечают оригинальность стиля и языка произведений В.П. Деткова, который работал одновременно в жанре повести и миниатюры.

Если повесть – распространенный жанр в русской традиции, имеющий характерные черты, то лирическая прозаическая миниатюра трудно поддается определению. Сам писатель сравнивал свои миниатюры с подписями к фотографиям, где на ткань зрительного восприятия накладывается словесный рисунок. Тонкую характеристику работ В.П. Деткова дал Е.И. Носов: «Лично для меня природа миниатюр всегда загадочна. Мне кажется, пишут их люди с особым и весьма редким душевным складом, с особо острым зрением и той способностью ферментации изначального материала, к которой прибегает пчела, творя свой мир. Воистину художник-миниатюрист, подобно пчеле, внимательно заглядывая и обследуя каждый уголок нашего бытия, дотошно всматриваясь в так называемые мелочи жизни, благодаря своим философским ферментам обращает подручный <...> материал в нечто необыкновенное, заставляющее нас поразиться, задуматься или озаботиться».

Поскольку особенности жанра влияют на языковую систему текста, это определяет **актуальность** нашей диссертации, посвященной всестороннему изучению разножанрового творчества писателя, повести и миниатюры которого ранее не подвергались лингвистическому описанию. Актуальность содержится и в общем формате исследования, вписывающемся в контекст современного направления – филологическая регионалистика.

Объектом исследования является лексический уровень художественных произведений В.П. Деткова. В качестве **предмета изучения** мы выбрали доминантную лексику повестей и миниатюр, а также наиболее показательные с точки зрения жанровой дифференциации лексические объединения и отдельные ключевые единицы художественной прозы писателя.

Цель работы – исследовать идиолект В.П. Деткова с точки зрения жанровой дифференциации, выявить общее и специфичное в лексике повестей и миниатюр.

В соответствии с поставленной целью был сформулирован следующий круг **задач**:

- обобщить основные положения научных исследований в области жанрологии и определить место повести и миниатюры в ряду смежных художественных жанров;
- составить алфавитные словники и частотные словари повестей и миниатюр В.П. Деткова;
- проанализировать доминантную лексику прозы писателя в жанровом аспекте;
- описать нелитературную лексику, использованную автором в повествовательной прозе;
- выявить место имен собственных в художественной прозе В.П. Деткова и определить особенности их употребления;
- охарактеризовать составные наименования разных типов с учетом жанровых предпочтений писателя;
- исследовать несколько ключевых единиц художественной прозы В.П. Деткова.

Базой эмпирического материала послужили повести «Люблю. Жду. Лена», «Свет мой светлый», «Отава, поздняя трава» и 173 лирические миниатюры, вошедшие в сборник «Три повести о любви». Составленный нами словник повестей содержит 12585 лексем (71880 словоупотреблений), а словник миниатюр – 5552 единицы (17805 словоупотреблений).

Научная новизна работы определяется тем, что это первое монографическое исследование, посвященное всестороннему описанию лексического уровня художественной прозы В.П. Деткова. Новым является и сопоставительный анализ отдельных групп слов и конкретных языковых

единиц в аспекте изучения индивидуально-авторской картины мира с целью выявления жанровых особенностей повестей и миниатюр.

Методы и методики исследования. В работе используются традиционные лингвистические методы: описательный с методикой наблюдения, таксономический с методикой дистрибутивного анализа и сопоставительный. В исследовании применялись методики количественного, компонентного и функционально-стилистического анализа, способствующие разноаспектному описанию художественного идиолекта. Алфавитные словники были созданы с помощью программы компьютерной обработки текстов NewSlov (автор – М.В. Литус).

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что выводы, полученные в результате исследования, дают представление о своеобразии художественного языка В.П. Деткова и способствуют решению ряда проблем в области авторского идиолекта. На материале разножанрового художественного дискурса писателя определяются приоритеты языковой картины мира В.П. Деткова и выявляется значимость отдельных групп лексики в структуре художественного текста определенного жанра. Основные идеи работы могут быть полезны для изучения творчества других писателей, работающих в нескольких жанрах.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что её материалы найдут применение в курсах современного русского литературного языка, стилистики и лингвистического анализа художественного текста, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвящённых языку художественной прозы, а также будут востребованы в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту

1. Сопоставительный анализ наиболее частотной (доминантной) лексики позволяет увидеть единство ядра писательского лексикона и выявить жанровые приоритеты, обусловленные тематикой произведений, воссоздающих художественную реальность, а также авторскими предпочтениями.

2. Нелитературная лексика, не характерная для языка миниатюр, является жанровой приметой «деревенской» повести, где выполняет номинативную, характеризующую и экспрессивно-оценочную функции. Просторечные и диалектные слова, отличающиеся разнообразием значений, создают ощущение слитности героев произведений с окружающей их жизнью.

3. Имена собственные в художественном тексте имеют особую функциональную нагрузку. Выбор антропонимов, топонимов и зоонимов, которые содержат важную экстралингвистическую информацию, зависит от идейно-художественного замысла автора и определяется канонами жанра.

4. Выразительной чертой идиолекта В.П. Деткова являются составные наименования, образованные по разным моделям. Широко представленные и в повестях, и в миниатюрах, они жанрово дифференцированы, что проявляется в их концентрации в пределах текста, а также в отборе базового и актуализирующего компонентов.

5. Ключевые слова *человек, свет, солнце и баня* в художественном дискурсе писателя приобретают особый репрезентативный статус и оказываются показательными единицами в аспекте изучения индивидуально-авторской картины мира.

6. Природа и человек в произведениях В.П. Деткова взаимосвязаны и взаимообусловлены, однако в миниатюрах ведущая роль отводится олицетворенному природному миру, в то время как в повестях главный герой – человек, воспринимающий природу и активно с ней взаимодействующий.

Апробация материалов и результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах на аспирантских семинарах при кафедре русского языка Курского государственного университета (2010–2012 гг.), в выступлениях на заседаниях летней научной школы «Курское слово» (2011 г., 2012 г.) и школы-семинара «Современная русская академическая лексикография» (г. Санкт-Петербург, 2010 г., 2011 г.), на Международной научной конференции «Язык как система и деятельность–3» (г. Ростов-на-Дону, 2012 г.) и нашли отражение в двенадцати публикациях, три из которых – в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников, списка использованных словарей, библиографического списка и трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, выявляются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описываются материал, методы и методики исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Художественный текст с точки зрения жанровой дифференциации»** представлены основные направления изучения жанра, а также показаны типологические особенности повести и миниатюры на фоне смежных форм. Кроме того, в этой главе анализируются понятия «идиолект» и «идиостиль».

В первом параграфе описаны исторические и современные направления изучения жанра в филологической науке. С опорой на лексикографические источники (энциклопедические и лингвистические

словари) и теоретические работы отечественных ученых (М.М. Бахтин, Г.Д. Гачев, И.П. Смирнов, Н.Д. Тамарченко и др.) выявлено широкое и узкое понимание термина *жанр*. В работе дан обзор формирующейся системы жанров с учетом родового и видового признаков, охарактеризованы разные теории и подходы к определению литературного жанра (В.В. Виноградов, Г.В. Плеханов, Б.М. Эйхенбаум и др.), выявлены особенности новых интерпретаций понятия «жанр» на рубеже XX–XXI вв. и установлено, что, несмотря на длительный период исследования феномена жанра, в литературоведении до настоящего времени остается ряд нерешенных вопросов и дискуссионных проблем.

Во втором параграфе, посвященном жанру повести, определено её место в системе эпических жанров, отмечен факт трудности проведения четкой дифференциальной границы между романом, повестью и рассказом, выявлены основные этапы эволюции жанра повести и дана общая характеристика её разновидностей (сентиментальная, романтическая, историческая, фантастическая, военная, деревенская повесть и др.). Особое внимание в параграфе уделено лингвистическим исследованиям жанра повести, которые ведутся в нескольких направлениях: от изучения языка и стиля повести в целом до описания отдельных лексических единиц (Т.Г. Винокур, Г.Ю. Завгородняя, Т.Н. Маркова, Е.С. Мякина, П.Р. Омариёва, И.Н. Позерт, А.В. Степанов, Е.А. Шумских).

В третьем параграфе говорится о становлении жанра миниатюры в русской литературе и обсуждаются предпосылки появления этого жанра (Е.Ю. Геймбух, Ю.И. Ольховская, А.А. Плотникова, С.А. Ташлыков, Ю.Ж. Чойнжурова и др.). Подробно исследованы особенности лирической прозаической миниатюры в соотношении с другими малыми формами (стихотворение в прозе, дневниковые записи и др.) и выявлены их дифференциальные признаки. Если в термине *малые формы* акцент делается только на одну из сторон – форму, то *миниатюра* обозначает произведение в целом, причем основой создания эффекта миниатюрности является мысленно осуществляемая операция сжатия, кумуляция больших объемов в малой форме.

По мнению исследователей, специфику миниатюры как жанра составляет переплетение лирического и эпического начал, однако корреляция лирического и эпического компонентов неравноценна: второй элемент ярко выражен и точно дополнен первым. Катализатором рефлексии в миниатюре служит какое-либо событие внешнего мира; субъект речи часто не представлен зримо, однако читателю удастся создать некий образ по авторским штриховым характеристикам.

В конце XX – начале XXI вв., в эпоху быстро сменяющихся социальных контекстов, когда становится дорог не только день и час, а минута и секунда, миниатюра оказывается востребованным жанром.

Писатели все чаще «общаются» с читателем посредством коротких записей – таким образом можно скорее «настичь» бегущего, занятого работой, погруженного в быт современного человека. Появляются «Мгновения» Ю.В. Бондарева, «Зерна» В.Н. Крупинина, «Лад» В.И. Белова, миниатюры М.М. Пришвина, «Крохотки» А.И. Солженицына.

Анализ лингвистических исследований, посвященных изучению отдельных концептов, грамматических категорий и описанию образных средств миниатюр разных писателей (М.В. Архипова, Н.Л. Вшивкова, С.В. Косихина, Л.Н. Курошина, И.Н. Тюкова, Н.Б. Черепанова), показал, что малая форма и тесная спаянность всех компонентов художественного произведения не позволяют расчленять миниатюру на отдельные структурные части. В идеале миниатюра должна рассматриваться цельно – в совокупности составляющих её элементов.

Четвертый параграф содержит обзор работ, посвященных понятиям «идиолект» и «идиостиль» (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон) и отражающих разные точки зрения на их соотношение. Одни ученые полагают, что идиолект и идиостиль – идентичные понятия, другие считают идиолект базой идиостиля, третьи противопоставляют идиолект, или норму общенародного языка, идиостилю, или индивидуальному стилю писателя (В.П. Григорьев, Д. Дейви, С.К. Константинова, Д. Кристалл, В.В. Леденева, И.О. Лисенко, Ю.И. Минералов, М. Риффатер, С.Г. Тер-Минасова и др.).

В диссертации указываются разные аспекты изучения идиолекта и идиостиля (семантико-стилистический, функционально-доминантный, лингво-поэтический, системно-структурный, деятельностный и др.) и анализируются составляющие указанных понятий. Понимая под идиолектом комплекс лексических, фонетических и грамматических средств, свойственных речи конкретного человека, в данном случае писателя, а под идиостилем – использование разных языковых средств в художественном тексте (сочетаемость, тропы и др.), мы ощущаем зыбкость границ между этими смежными, взаимосвязанными понятиями, поэтому в нашей работе они не противопоставляются, а «вытекают» одно из другого.

Во **второй главе «Жанровое своеобразие лексикона прозы В.П. Деткова»** представлены количественные параметры словников, проведен анализ актуализированного лексикона писателя, а также описаны наиболее показательные с точки зрения жанровой дифференциации группы слов – нелитературная лексика, собственные наименования и составные конструкции.

Первый параграф посвящен общей характеристике актуализированного лексикона В.П. Деткова. Под актуализированным лексиконом мы понимаем «вербальную “сеть” индивидуальной картины мира, явленной в художественном произведении, группе произведений и

во всем творчестве» (С.П. Праведников, А.Т. Хроленко). Убежденные в перспективности изучения языковой картины мира писателя с помощью лексикографических средств, мы реализовали идею формирования полных словников произведений В.П. Деткова, для чего были подготовлены электронные мегатексты (версии определенных паспортизированных текстов, предназначенных для их дальнейшей обработки с помощью программы NewSlov). На базе четырех мегатекстов (миниатюр и трёх повестей) составлены алфавитно-частотные словники и частотные словари. Для проведения сопоставительного межжанрового исследования три словника повестей впоследствии были объединены в общий словник. Стремясь к созданию полного словаря, мы учитывали все лексические единицы, встретившиеся в художественном тексте: как знаменательные, так и служебные, как нарицательные, так и собственные, как узуальные, так и окказиональные.

Проведенный количественный анализ прозы В.П. Деткова содержит статистический подсчет общего количества лексем и общего числа словоупотреблений в разных жанрах, определение средней частоты слова, коэффициента лексического разнообразия и комплексный анализ лексики по степени употребления.

Во втором параграфе представлена характеристика доминантной лексики в жанровом аспекте. Сравнение верхушечной части частотных словарей повестей и миниатюр позволило выделить лексическое ядро двух жанров в пределах исследуемого материала. На данном этапе исследования мы ограничились анализом первых ста знаменательных лексем, выполняющих номинативную функцию. Поскольку мегатексты повестей и миниатюр имеют разные количественные показатели, для объективности межжанрового сопоставления учитывалась не частота употребления того или иного слова в текстах разных жанров, а ранг лексемы – индекс её положения в частотном словаре.

Доминантные языковые единицы были проанализированы с разных позиций (с точки зрения частеречной принадлежности, лексического состава и тематической классификации), а проведенное исследование высокочастотных наименований разножанровой прозы В.П. Деткова выявило ряд особенностей. В частности, была установлена значимость лексики, называющей и описывающей человека, для жанра повести. Это подтверждают частотные антропонимы (*Сергея, Полина, Саня, Оля* и др.), номинирующие действующих героев произведений. Для повести характерна репрезентация «человека телесного» (*грудь, плечо, тело* и др.) и «человека семейного», для которого важны номинации ближайших родственников (*дочка, мать, отец, свекор, сын* и др.). В жанре миниатюры более существенной оказалась характеристика личности по полу и возрасту (*девушка, женщина, мужчина, парень*). Значимость человека для повествовательной прозы В.П. Деткова проявляется и на уровне

глагольной доминантной лексики, представленной группами глаголов интеллектуальной и речевой деятельности (*думать, понять, сказать, спросить*), восприятия окружающей действительности (*видеть, слышать, смотреть*), зафиксированных только в жанре повести или имеющих более высокий ранг в списке доминантных знаменательных единиц этого жанра.

Содержательная сторона жанра миниатюры показала, что поведение человека чаще всего детерминировано его окружением, средой, в которую он помещен. В.П. Детков создает психологический портрет человека в параллели с внешним миром, для чего выбирает лексемы, называющие природные объекты и погодные явления (*ветер, дерево, дождь, лес, снег, солнце, тополь, цветок*), не вошедшие в группу доминантных наименований повести.

В третьем параграфе анализируется нелитературная лексика в прозе писателя. Наше исследование с опорой на толковые и областные словари показало, что просторечные и диалектные слова в художественном дискурсе В.П. Деткова многообразны, однако они неравномерно распределены по двум жанрам. Установлено, что миниатюра и «городская» повесть «Свет мой светлый» лишены диалектных наименований, а объем просторечных слов в них предельно мал. Напротив, повести на деревенскую тему («Люблю. Жду. Лена» и «Отава, поздняя трава») насыщены нелитературной лексикой, которая фиксируется как в речи героев, так и в авторском повествовании, создавая «местный колорит»: *В сердцах выхватила Полина квохтунью из гнезда, покунала ее в воду, а потом сунула под опрокинутую старую кошулю...* (Отава, поздняя трава, 177); – *Ну дочка ладно, пусть фордыбачит* (Отава, поздняя трава, 303); – *Не жалкуем вроде, не сбрыхал дядька – богатый край* (Люблю. Жду. Лена, 79).

Поскольку в лингвистических работах, касающихся вопросов взаимодействия литературного и нелитературного языка, указывается на сложность, условность, а в некоторых случаях и невозможность отграничения диалектной лексики от просторечной (Л.И. Баранникова, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, И.А. Оссовецкий и др.), в нашей работе диалектные и просторечные единицы рассматривались комплексно. Вся нелитературная лексика была распределена по классам с учетом частеречной принадлежности. Самым объемным оказался класс глаголов и глагольных форм, включающий группы слов, связанные с характеристикой речевой деятельности человека (*балабонить, долдонить*), профессионально-трудовой деятельности (*вкалывать, сладить*), социальной деятельности и отношений (*кочевряжиться, фордыбачить*), эмоционального и функционального состояния (*жалковать, серчать*), физического состояния / воздействия (*ухайдокаться, шпыгнуть*), интеллектуальной деятельности (*замятовать, кумекать*), межличностных отношений (*набычиться, намиловать*) и др.

Просторечные и диалектные имена существительные тоже были разделены на группы с учетом семантики: «Человек» (*кореш, миленок, почтарка, хрычина*), «Животный и растительный мир» (*дуляк, животина, колюка*), «Ландшафт и явления природы» (*гуменник, кулига, хмарь*), «Бытовая сфера (предметы, питание)» (*кошуля, окосье, первач*), «Абстрактный мир» (*ерундистика, потреба*). Также подробно были проанализированы нелитературные прилагательные (*глумной, зряиный, заклекий, конопушный, лупастый*), наречия (*впритрусочку, давеча, потемну*) и местоимения (*кажный, кой*) и определена их роль в художественном тексте. Особое внимание обращалось на образное использование нелитературных лексем, например: *А самогонка – девка разгульная. Подогреет, расшевелит, подпетушит, все заботы в трын-траву свалит – гуляй, вольный казак* (Люблю. Жду. Лена, 75); *А человек, потерявший стыд и совесть, это и есть дерево трухлявое – сердцевина сопрела, осыпалась, и пуст он внутри, дуляк одним словом, в таком любая худая тварь себе гнездо свить может: и хищник летучий и гад ползучий* (Отава, поздняя трава, 180).

Четвертый параграф посвящен описанию особенностей использования имен собственных в повестях и миниатюрах. Было установлено, что, хотя этот тип лексики значим для обоих жанров, в повести, где в центре внимания находится конкретный человек, перечень личных антропонимов, с помощью которых писатель не только называет, но и выражает отношение говорящего к номинируемому им герою (например, *Полина, Поля, Поленька, Полечка, Полинушка, Польшка, Полюшка, Полюшка-зорюшка, Полюшка-травушка*), значительно разнообразнее.

Если в миниатюрах отмечено только одно отчество в составе полной номинации известного лексикографа: *Не слова, а рыбки золотые, и пойманы они у щедрого хранителя чистых прудов Владимира Ивановича Даля* (Чистые пруды, 352), – то в повестях патронимы регулярны, причем нами были выявлены патронимы-обращения и патронимы-номинации, заменяющие личное имя внутри реплик героев, а также в авторском повествовании, что объясняется этикетной особенностью, принятой в сельской местности: – *Дай что-нибудь выпить, Матвеич...* (Отава, поздняя трава, 264); – *Кваску испей, – предложила Меркуловна, поднимаясь с места* (Люблю. Жду. Лена, 78). В повестях были зафиксированы и окказиональные патронимы – производные от женских имен (*Татьяныч* и *Марк ибн Шехеризад*): *Татьянычем окрестили его по матери, женщине волевой и решительной* (Отава, поздняя трава, 250).

Фамилии, зафиксированные в двух жанрах, тоже отражают особенности употребления этих форм. В миниатюрах писателем использованы только прецедентные онимы (*Пушкин, Толстой, Чехов, Хемингуэй, Шукшин, Экзюпери* и т.д.), в то время как в повестях

большинство фамилий – наследственные родовые имена действующих лиц произведений (*Баракин, Ветрова, Колоскова, Крутов, Сомов* и др.). Характерной особенностью повести является использование целого ряда прозвищ, происхождение которых объясняется разными причинами: видом деятельности (*Богомаз* – традиционное прозвище семьи Сосновых, наследуемое от деда, рисовавшего картины); внешней характеристикой (*Борода*); поведением в социуме (*Магарычник* – житель села, выполняющий просьбы за особую плату); фамилией героя произведения (*Мороз* – Морозов); именем и профессией (*Борькмеханик* – контаминированная форма реального имени (Борис / Борька) и профессии (бортмеханик)).

В подавляющем большинстве случаев выбор топонимических названий в миниатюрах обусловлен местом жительства автора (реки *Сейм, Тускарь*, город *Курск*, поселок *Тим*, деревня *Кожля* и др.), а в повестях нередко позволяет уточнить «карту» развития сюжета. Так, в повести «Отава, поздняя трава» действие разворачивается в деревне *Березовка*: *Просторное открытое поле верстовым прогалом залегло меж двух родных сел Полины. В Успенке, что справа, сама родилась, выросла. В Березовке – шестерым жизнь дала. Так что мудренее, чем в сказке: направо пойдешь, налево пойдешь – все равно домой попадешь. Ну а прямо – дорога в большой мир и в никуда...* (Отава, поздняя трава, 185). Два села объединены в единое концептуальное пространство «родного дома», «большой мир» – город, отъезд в который обозначает отделение от семьи, а «никуда» – особое, географически неопределенное пространство, попадание в которое предполагает не только отделение от семьи, но и серьезные психологические изменения в сознании героев.

Топографический рисунок повестей отражает ментально устоявшиеся категории советской действительности: в качестве места службы героев автор избирает *Дальний Восток*; место отдыха – *Гагры*; топоним лечебного отдыха – *Минводы*; место карьерного роста и заработка – *Предуралье* и *Кировская область*.

Характерным признаком идиостиля В.П. Деткова являются составные наименования, которые анализируются в пятом параграфе. В диссертации описаны разные подходы к классификации таких единиц (М.А. Бобунова, А.Ф. Журавлев, Ж.В. Ларионова, Л.И. Плотникова и др.). Выявленные составные конструкции были объединены в несколько типов: 1) наименования на основе полного и диссимилятивного повтора (*вещь-вещичка, перво-наперво, печальный-печальный, тянуть-тянуть* и др.); 2) наименования на основе синонимического сближения (*горе-беда, доска-жердина, друг-приятель, закружить-завертеть, мирно-ласково* и др.); 3) парные сближения суммарной семантики (*весна-лето, ноги-руки* и др.); 4) единицы, созданные по модели «определяемое + определяющее» (*дно-лужайка, надежда-порыв, тело-пружина* и др.). Наиболее

употребительные конструкции последней группы рассматривались с опорой на ономаσιологическую модель – определенную схему развернутого описания, на основе которого было создано составное наименование, включающее базовый и актуализирующий компоненты (М.А. Дрога).

Исследованный материал показал, что В.П. Детков и в повестях, и в миниатюрах активно использует функционирующие в русском языке составные единицы с узуальным значением (например, *большой-большой, вагон-ресторан, девочка-подросток*), часто (особенно в миниатюрах) употребляет наименования с трансформированной семантикой, которая выявляется только внутри контекста (например, *белые братья-раздорники* – это вишневый цвет и град; *мастер-реставратор* – дождь), а также создает индивидуально-авторские конструкции (например, *день-возможность, мгновение-трепет, руки-невидимки*): *Листопад – напоминание, как много дней-возможностей осыпалось уже* (Осень, 366).

Однако были отмечены и признаки жанровой дифференциации, проявляющейся, прежде всего, на уровне отбора составных единиц. В повествовательной прозе нами зафиксировано большое количество наименований, связанных с человеком (*баба-горемыка, малец-сын, мать-одиночка, муж-негодуй, офицер-заочник, сынок-поскребышек, чистюля-директор*): *Вот он, муж-негодуй, вламывается в свой дом, чтобы излить справедливое негодование и гроыхнуть по-хозяйски если не кулаком, то голосом* (Отава, поздняя трава, 265).

В миниатюрах же с помощью составных конструкций значительно чаще характеризуется мир живой и неживой природы (*ветер-солнце, дождь-подстега, ливень-однотучник, лужа-лужайка, щука-окунь*): *И огромные пузыри в теплых лужах сразу зацвели луговыми одуванчиками, а самому вдруг остро захотелось отплясать босиком по этим лужам-лужайкам ликующий танец детства* (Дождь, 349). Актуализирующий компонент *лужайка* содержит цепочку авторских ассоциаций, где значительную роль сыграло пространственное расположение и размеры лужи, а также физические законы преломления света, делающие возможным отражение окружающего мира в ее «зеркале». Думается, что авторский выбор такого типа лексемы обусловлен и внутренним предпочтением рифмованного созвучия компонентов, которое способствует более легкому, игровому восприятию действительности. В другом составном наименовании существительное *лужайка* оказывается базовым компонентом: *И среди зеленого сумрака то здесь, то там солнечные колодца – поток света в кругу стволов. Вступаю в один из них и запрокидываюсь на его дне-лужайке* (Солнце, 360). *Дно-лужайка* – это репрезентация авторского ощущения действительности, где метафорическое сравнение кругового расположения деревьев с колодцем вызвало ассоциацию с лужайкой-дном.

Частотная артефактная лексика в повестях прежде всего определяет быт человека (*кроватька-качалка, кухня-комната, платок-слабогрей, тарелка-солонка*), а в миниатюрах – называет предметы окружающего мира (*город-поселок, фонарь-невидимка*). Важной характеристикой жанра повести стало использование фольклорных формул, значимых для создания колорита жизни деревенского жителя (*ждать-пождать, жить-поживать, стезки-дорожки*): *Стали жить-поживать, как в сказке поется, да детей наживать* (Люблю. Жду. Лена, 75).

Отличительной особенностью компактного жанра миниатюры можно считать концентрацию составных единиц в пределах одного-двух смежных предложений, благодаря чему создается «семантическая плотность» (В.К. Харченко) текста: *И слова-строки выходили из него не как солдаты, чеканящие шаг рифм, а волнами-выдохами фраз...* (Люблю. Жду. Лена, 50). Суммарная семантика первого наименования – *слова-строки* ‘вербальные единицы’ уточняется вторым, их физическим выражением. Сложный образ в миниатюре «Глубина» строится с помощью наименований *озеро-душа* и *глыба-горе*, где реальное представление о падении камня в воду метафорически сплетено с образом влияния горя на человеческую душу: *Глыба-горе, упавшая в озеро души человеческой, неизменно вызовет обратный всплеск – жажду жизни, порыв творчества. И чем глубже это озеро-душа, тем тяжелее эта глыба-горе, тем могучее будет ответ* (Глубина, 358).

В целом семантически ёмкая миниатюра, в большей степени, чем повесть, способствует концентрированному использованию составных языковых конструкций.

Первый параграф третьей главы «*Ключевые языковые единицы художественной прозы В.П. Деткова*» посвящен описанию универсального понятия «ключевое слово» и определению его роли в структуре произведения. В диссертации проводится обзор работ, отражающих разные подходы к пониманию и выделению ключевых слов (Л.Р. Башкова, А. Вежбицкая, Л.И. Донецких, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, Л.В. Сахарный, А.Д. Шмелев и др.) как самых важных лексических единиц, «держаших» на себе все текстовое единство (Н.А. Агапова), обращается внимание на разнообразие и неоднозначность используемой терминологии и определяются существенные признаки ключевых слов (Л.М. Корытная, И.А. Осипова, А.П. Сковородников, Т.В. Шмелева и др.), среди которых: частотность; выражение главной идеи произведения; тесная связь с действующими лицами или пейзажем; использование в наиболее сильной позиции – заглавии; высокий лексический и грамматический потенциал и др.

Руководствуясь данными принципами, для исследования мы выбрали несколько ключевых слов художественного дискурса В.П. Деткова: *человек, свет, солнце* и *баня*. Все указанные лексемы входят

в группу высокочастотных наименований. Существительные *человек* и *свет* являются доминантами в обоих словарях (повестей и миниатюр), а *солнце* и *баня* – только в одном из них. Все слова, кроме *баня*, встречаются в заглавиях анализируемых произведений, например: *Свет мой светлый*, *Свет – надежда*, *Светом нетленным*; *Человек и собака*, *Человек и природа*, *Здравствуй, человек*; *Солнце* и др. В то же время лексема *баня* является сюжетобразующей единицей повести «Отава, поздняя трава». Значимость выбранных нами наименований подтверждается их словообразовательными возможностями, способностью включения в состав разнообразных тропов и устойчивых выражений.

Во втором параграфе в аспекте жанровой специфики с опорой на синтагматические и парадигматические связи слов анализируется ключевая единица ЧЕЛОВЕК. Было установлено, что в малом жанре понятие «человек» (активный герой/героиня без четких внешних характеристик) является более востребованным для пространственно-временной организации миниатюры, обобщенная антропоцентричность которой проявляется на уровне высокого рангового показателя лексемы *человек* (ср.: пятый ранг – в миниатюрах, тридцать седьмой – в повестях), которая и была взята для всестороннего анализа. Для В.П. Деткова-миниатюриста важен внутренний, духовный мир положительного человека (*надежный, откровенный, понимающий, родной, хороший; человек с тонкой душой*), который испытывает разные чувства (*мается, радуется, торжествует, удивляется*), стремится к постижению чего-либо (*терпеливо ищет собеседника*) и никогда не теряет оптимизма: *На руки и ноги свои надеется человек, силу и волю их знает* (В горах, 347); *И человек умеет взлететь мыслью, чувством, делом* (Человек и природа, 390).

В повестях обобщенность снимается, а репрезентация человека происходит объективно зримо, что проявляется в дополнительных характеристиках внешности (*«ощетинившийся», солидный*), места жительства (*сельский*), профессии (*рабочий*), интеллектуальных навыков (*читающий*), физического состояния (*загнанный, обессиленный*) и деятельности (*бегающий, умеющий; брехать, нервничать, сомневаться*).

Особое внимание в работе уделено уникальным образам, например, встретившемуся в повестях контексту овеществления человека с потенциальной невозможностью обратной модификации: *Сжимаешься весь в недвижимость и, кажется, ничто не способно тебя разжать в человека, пока стоит вокруг этот гул, лязг и грохот* (Люблю. Жду. Лена, 63). В малом жанре – авторский выбор лексемы *качнуться* в миниатюре «Боязно»: *Да мало ли поводов человеку без опоры качнуться в мир возвышенный и призрачный* (Боязно, 397). В миниатюре, построенной по принципу молитвы, образ современного человека, ищущего спасение в религии, остается неоднозначным за счет глагола *качнуться*, который передает однократное отклонение от основного пути и возвращение назад,

т.е. человек, не погружается в религию, а обращается к ней лишь в случае острой необходимости.

Отметим тот факт, что в миниатюрах В.П. Деткова особую значимость приобретает гендерная характеристика человека. Наиболее важен для писателя образ женщины (пятый ранг). Это подтверждает и эпиграф к его книге: *О, женщина! Ты чудо из чудес...* Писатель практически не описывает внешность своих героинь. Мы полагаем, что, отказавшись от четкого портретного рисунка, автор создает универсальный образ, для которого достаточно указания на приблизительный возраст (*молодая, средних лет*). Художник-миниатюрист тем самым посылает информационный импульс, который должен затронуть в сознании читателя необходимые блоки ментальной памяти для формирования определенной картинки. В большинстве случаев В.П. Детков акцентирует свое внимание на внутреннем состоянии женщины (*незамеченная, обиженная, покинутая, счастливая; возражает, улыбается, взвизгивает*).

Особый интерес представляет контекст: *Уходят не от женщины, а от бабы в ней* (Женщина и баба, 393). Образ женщины в данном случае распадается на две четкие, противоположные по своей сути, зоны: женственности и ограниченности, приземленности. Обе они присутствуют в любой женщине, составляя ее суть, и создаваемая автором ситуация возможна только при доминировании второй составляющей. Так В.П. Детков в пределах нескольких предложений находит причину непонимания между мужчиной и женщиной и облекает ее [причину] в философскую оболочку миниатюры.

Заметим, что в повестях существительное *женщина* не является частотным и используется писателем, как правило, для наименования второстепенных персонажей женского пола, с которыми пересекаются на жизненном пути главные героини произведений: *После этого случая женщины в палате на время примолкли, пристыженные, зная, задумались* (Отава, поздняя трава, 279).

В третьем параграфе рассматривается ключевая единица СВЕТ. Поскольку существительное *свет* обладает высокой словообразовательной активностью в прозе В.П. Деткова, мы решили не ограничиваться описанием вершины гнезда, для чего путем сплошной выборки из дискурса писателя были извлечены все слова с корнем *свет-* (в миниатюрах – *высветлить, осветить, рассвет, светловолосый, светлячок, светящийся, свечение* и др.; в повестях – *засветиться, засветло, осветиться, просветленный, светлей-теплей, светлеть, светло-коричневый, светлый* и др.).

Анализ семантической структуры и синтагматических связей разных лексем словообразовательных гнезд позволяет говорить об особом ореоле «светимости» анализируемых произведений (*светлый мотив дня; светлый*

полог снега; светлая вуаль почек березы; светлая музыка; светлые истории; вся переполненная чем-то важным и светлым; светло Светлана зарождалась и др.) и выделить объединяющий практически все наименования ядерный признак: свет положительно отражается на состоянии окружающего мира и способен нейтрализовать негативное содержание. Однако налицо жанровые предпочтения в выборе синтагматических «партнеров» и создании образного строя повестей и миниатюр. Если в малом жанре свет в большинстве случаев природный (*Как щедро и светло учит нас природа* (Светом нетленным, 366), то в повестях писатель часто наделяет светлым содержанием человека, что проявляется в его характере, поведении и межличностных отношениях: *Телом подошла, точно опара праздничная, лицом посвежела, в глазах свету прибавилось* (Отава, поздняя трава, 286); *Светло, весело смеется Светлана. И ему весело и светло, будто сам испил той водицы* (Свет мой светлый, 158); *Непролитые слезы засветились радостью* (Свет мой светлый, 161); *Столько света после себя оставила* (Свет мой светлый, 170).

Отметим индивидуально-авторский оним *Светлая*, связанный с именем главной героини повести «Свет мой светлый» (Светлана): *«Пришла, Светлая, пришла...», – прошептал он одними губами...* (Свет мой светлый, 147); *«Догнал я тебя, Светлая, догнал... И радостью и горем проросла ты во мне...»* (Свет мой светлый, 171).

Лексемы с корнем *свет-* часто используются писателем в составе метафор и олицетворений, в большей степени характерных для жанра миниатюры (*звук раньше света встает, листья вспыхнули светом нетленным, «включить» рассвет*), где на основании концептуального противопоставления *свет – тьма* В.П. Детков характеризует неоднозначную сущность человека: *Так и живем, мерцая: то светом радости, то тенью сомнений* (Свет и тень, 388). В составе миниатюры проявляется и символическое значение существительного *свет*: *Я не знаю, кто там живет – инженер или художник, студент или ученый, но свет в окне говорит о главном – человек работает!* (Свет, 363).

В повестях В.П. Детков употребляет не характерную для миниатюр омонимичную форму, обозначающую мир в целом: *Работал до изнеможения, словно хотел доказать себе и всем на свете, что и кисть бывает потяжелее молота...* (Свет мой светлый, 138). Писатель использует и фразеологические обороты с существительным в указанном значении, иногда их трансформируя (*отправить на тот свет → на тот свет скovyрнуть*): *– Ты, хрычина старая, для меня при любой власти первый враг и я тебя могу одним пальцем на тот свет скovyрнуть* (Отава, поздняя трава, 237).

Четвертый параграф посвящен описанию ключевой единицы СОЛНЦЕ. Для В.П. Деткова солнце – это, несомненно, уникальное, яркое

явление, имеющее всегда положительную авторскую оценку. Источник света и тепла, солнце служит мерой времени и является символом радости. С точки зрения преобладающего семантического признака все сочетания с существительным *солнце* мы объединили в несколько больших групп: с темпоральной семантикой (*апрельское, весеннее*); с температурной семантикой (*жаркое, крутое; теплынь солнца; пригревать*); со световой семантикой (*ослепительное, яркое; сиять*) и с семантикой движения (*восход солнца, возвращение солнца; всплывать, докатиться, приблизиться, идти на посадку*). Менее всего в прозе писателя представлена цветовая и параметрическая семантика.

В.П. Детков как представитель русской культуры на страницах своих произведений отражает наиболее существенные, закрепленные в коллективном сознании признаки дневного светила и в то же время с помощью разных языковых средств создает яркие, запоминающиеся образы. Так, в повести «Люблю. Жду. Лена» солнце сравнивается с ромашкой – незатейливым цветком, ассоциативно возникающим в сознании влюбленного юноши: *Только солнце в окладе ослепительно белых облаков глядело на него огромной веселой ромашкой, да сам он был переполнен, пронизан ощущением блаженного полета и осязаемым присутствием Оли* (Люблю. Жду. Лена, 133). Далее автор разворачивает и уточняет образ с помощью шуточного процесса «гадания на ромашке» и завершает фрагмент неожиданным финалом: *Но уже рассмеялся своему суеверию, потому что солнце само выплывало в огромную букву «О»* [Ольга – имя возлюбленной] (Люблю. Жду. Лена, 134).

В той же повести возникает образ искусственного солнца – своеобразного оберега, созданного волей и талантом человека: Митя Соснов после похорон пяти угоревших в одну ночь родственников, чтобы «пересилить мрак, поселившийся в доме», изнутри и снаружи «стены красками грел». *Рисованное солнце* наделено незримой силой, защищающей дом от беды: *И все подворье источало неистовую солнечность <...> Но все ликование вмиг угасло, когда из-за избы один за другим вышли навстречу Сереге пять ряженных крестов... <...> Приглядевшись, рассмотрел за ним очертания трубы и вспомнил, что до темноты там сияло рисованное солнце* (Люблю. Жду. Лена, 29; 41).

В миниатюрах солнце нередко олицетворяется, что отражается в синтагматике слова (*подрумяненное заморозком солнце; хохочущий лик солнца; солнце шуруется в улыбке, проглотило крючок* и др.), его парадигматических связях и даже орфографии (выбор прописной буквы). Отличительной особенностью жанра миниатюры является активное использование в ней разнообразных синонимов и перифраз существительного *солнце*. Наиболее показательна в этом отношении миниатюра «Небесный микадо». Хотя она целиком посвящена дневному светилу, в ней ни разу не встретилось прямое обозначение, а образ

создается при помощи однословных наименований и описательных выражений, в которых подчеркивается главенство солнца (*царь* ‘титул монарха’, *величество* ‘титулование монарха’, *микадо* ‘титул японского императора, а также лицо, носящее этот титул’), его местонахождение (*небесный*), цветовая палитра (*золотой*) и др.: *Вот и царь приподнял над горизонтом свой румяный лик* (Небесный микадо, 380).

Олицетворенное солнце, изучающее людей с хитрой улыбкой и пронизательным взглядом (*прощупывает меня взглядом первых «зайчиков»*), веселое и широкое (*<царь> залился беззвучным смехом, салютуя сам себе буйным разливом света*), требующее к себе внимания (*подаёт первые признаки недовольства моей непочтительностью*), понимает своё превосходство над всеми (*снисходительно заиграл румянцем*). Возвеличивание солнца возникает на основании впечатления от его воздействия – подчинения людей собственной воле: *И намёка на соперничество не терпит этот небесный микадо* (Небесный микадо, 380).

Пятый параграф содержит описание ключевой единицы БАНЯ в повествовательной прозе писателя. В общем частотном словнике знаменательных единиц повестей В.П. Деткова лексема *баня* имеет 43 ранг, а в словнике повести «Отава, поздняя трава» занимает девятую позицию. Отметим, что высокий ранг показательного для русской культуры слова объясняется сюжетным строением повести, посвященной судьбе семьи Осокиных, для которой баня – символ стабильности, силы рода: *Баня была не только фамильной гордостью Осокиных. Была она и приметой села для большой округи* (Отава, поздняя трава, 235). Реальная и фантомная баня «сопровождает» героев на протяжении всей повести. Старший Осокин всю жизнь старается построить общественную баню, однако его мечты так и не воплощены в жизнь. Семейная жизнь Полины и Сани Осокина начинается со свадебной бани, каждое возвращение мужа из далекой поездки знаменуется приготовлением бани, а кульминацией семейной линии повести становится немой разговор между супругами, который происходит в бане и сопровождается банным ритуалом.

Анализ синтагматических связей существительного выявил четкое противопоставление по разным признакам: «индивидуальная / коллективная» (*Осокинская баня, баня Осокиных / артельная, колхозная, общественная баня*), «родная / чужая» (*родимая баня / стылая баня, в которой приходится скрываться главному герою от погони*), «реальная / потенциальная» (*затопить баньку, спроводить в баню / говорить о бане как о решенном, строить баню*).

В большинстве случаев баня – не просто место для мытья, баня – это символ счастья, стабильности семейных отношений: *Не однажды банька служила им добрую службу: отогревала, оттаивала пристывшие в отчужденной разлуке души* (Отава, поздняя трава, 293). Баня – своего рода

оберег от несчастий, обладающий определенной целительной силой: *Баня Осокиных вошла в жизнь Полины праздником душе и телу* (Отава, поздняя трава, 202); *А уж баня-то для него благодать-отрада* (Отава, поздняя трава, 267). В художественной действительности повести баня – локус человеческих чувств и переживаний, здесь герои эволюционируют и испытывают противоречивые эмоции: *Помер во мне кто-то в бане той...* (Отава, поздняя трава, 222); *...Не отогрелась, не отделалась от этой холодящей мысли она и в бане...* (Отава, поздняя трава, 267); *А я весь в репьях. Не отмыться мне здесь и в бане...* (Отава, поздняя трава, 227).

В целом анализ четырех ключевых единиц выявил их место в художественном дискурсе В.П. Деткова, где они являются своеобразными ментальными доминантами.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Всестороннее описание лексического состава повестей и миниатюр В.П. Деткова с опорой на составленные нами полные алфавитно-частотные словники, являющиеся надежной и объективной базой исследования, показало, что, несмотря на его внутреннее единство, прослеживается жанровая дифференциация языкового материала. Повесть, в основе которой лежит сюжет и есть главный герой, и компактная миниатюра с философским содержанием – каждая из них требует особых языковых средств и их комбинаций в тексте произведения.

Исследование выявило антропоцентрический характер прозы В.П. Деткова, однако человек в разных жанрах рисуется по-своему. В миниатюрах прослеживается тенденция обобщенности, некоторой размытости образа человека, что проявилось и на уровне доминантной лексики, и в результате сопоставления составных наименований, и в описании ключевых единиц. В малом жанре представлен абстрактный человек, для которого важно лишь указание на его пол и возраст, в то время как в повестях человек является зримым, действующим субъектом с разветвленной характеристикой по разным признакам.

Ядерная предметная и глагольная лексика повестей рисует человека телесного, семейного и социального, этому же способствуют диалектные и просторечные лексемы и составные наименования, называющие и характеризующие человека с учетом родственных, семейных, межличностных, социальных отношений и его быта.

По-разному отражается в повестях и миниатюрах и связанный с человеком природный мир. В малом жанре он разнообразен, часто олицетворяется и выходит на первый план, а в повествовательной прозе в большей степени оттеняет человека, живущего в этом мире и этот мир преобразующего.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. *Демидова Т.Д.* Периферийная часть лексикона как показатель литературной манеры писателя (на материале лирических миниатюр В.П. Деткова) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Т. 1. Филология. Выпуск 2. Санкт-Петербург, 2011. С. 148–157 (из перечня ВАК). (0,6 п.л.).

2. *Демидова Т.Д.* «Щедрая теплынь...»: функционирование лексемы солнце в миниатюрах В.П. Деткова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Выпуск 2. Пермь: ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», 2011. С. 117–122 (из перечня ВАК). (0,3 п.л.).

3. *Демидова Т.Д.* Семантика составных одушевленных наименований в прозе В.П. Деткова // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 4, 2012. С. 98–102 (из перечня ВАК). (0,25 п.л.).

4. *Демидова Т.Д.* «Слова, творящие праздник»: язык лирических миниатюр В.П. Деткова // INCIPIO = НАЧИНАЮ: сборник научных трудов молодых исследователей. Выпуск 4. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. С. 58–61. (0,2 п.л.).

5. *Демидова Т.Д.* Ономастический рисунок лирических миниатюр В.П. Деткова // INCIPIO = НАЧИНАЮ: сборник научных трудов молодых исследователей. Выпуск 5. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. С. 46–51. (0,3 п.л.).

6. *Демидова Т.Д.* Преломление общенародного языка в индивидуальном лексиконе курского писателя-миниатюриста В.П. Деткова // Современная русская лексикография: сборник статей / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. С. 50–59. (0,6 п.л.).

7. *Демидова Т.Д.* «Человек – это не ответ. Человек – это вопрос» (Концепты «человек / люди» в лирических прозаических миниатюрах В.П. Деткова) // Курский текст в поле национальной культуры: материалы спецкурса для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры филологического факультета Курского госуниверситета. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2011. С. 198–204. (0,4 п.л.).

8. *Демидова Т.Д.* Отражение языковой личности в лексике произведения (на примере центрального словообразовательного гнезда повести В.П. Деткова «Свет мой светлый») // Современная русская лексикография: сборник статей / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 61–69. (0,5 п.л.).

9. *Демидова Т.Д.* Квантитативная характеристика актуализированного лексикона повести В.П. Деткова «Свет мой светлый» // Курское слово. Выпуск 8. Курск: изд-во Курск. гос ун-та, 2011. С. 31–36. (0,3 п.л.).

10. *Демидова Т.Д.* «Спасибо, спасибо тому, кто строил баню...» (лексема *баня* в повести В.П. Деткова «Отава, поздняя трава») // Курское слово. Выпуск 9. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2012. С. 61–67. (0,4 п.л.).

11. *Демидова Т.Д.* Составные наименования в художественном идиолекте (на материале прозы В.П. Деткова) // Язык как система и деятельность–3. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2012. С. 169–170. (0,3 п.л.).

12. *Демидова Т.Д.* Исследование художественного текста на занятиях по стилистике (на материале миниатюры В.П. Деткова) // Средства массовой информации: история, теория и современная практика: сб. науч. статей. Курск: изд-во Курск. гос. ун-та, 2012. С. 46–50. (0,3 п.л.).